

УДК 1(075. 32)
Х91

Составители:

Ильигев П. И. — кандидат философских наук, доцент; *Раевская Н. Ю.* — кандидат философских наук, доцент; *Соловьева Г. В.* — кандидат философских наук, доцент; *Станиславова И. Л.* — кандидат философских наук, доцент

Под редакцией *Микиртиган Г. Л.* — доктора медицинских наук, профессора;
Лихтшангофа А. З. — кандидата медицинских наук, профессора

Хрестоматия по философии / П. И. Ильичев,
Х91 Н. Ю. Раевская, Г. В. Соловьева [и др.]; под ред. Г. Л. Микиртиган
и А. З. Лихтшангофа. — Санкт-Петербург : СпецЛит, 2015. —
415 с.

ISBN 978-5-299-00718-3

Данная хрестоматия представляет собой антологию тематически сгруппированных философских текстов – извлечений из трудов мыслителей разных эпох. Создана на основе программы по философии, составленной в соответствии с ФГОС ВПО, и предназначена для студентов, обучающихся по специальностям «Педиатрия» 060103, «Лечебное дело» 060101, «Медицинская биофизика» 060602, «Медико-профилактическое дело» 060105, «Стоматология» 060201 в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете. Материалы, вошедшие в данную книгу, могут быть использованы в качестве дополнительного источника для изучения предмета студентами других, прежде всего медицинских, вузов, а также всеми интересующимися философией.

УДК 1(075. 32)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Раздел I. Философия. Ее предмет и роль в жизни человека и общества	7
Мераб Константинович Мамардашвили	7
Раздел II. Античная философия	38
Платон	38
Аристотель	44
Гален	50
Раздел III. Средневековая философия	55
Августин Аврелий	55
Фома Аквинский	67
Раздел IV. Философия эпохи Возрождения	78
Джованни Пико делла Мирандола	78
Лоренцо Валла	81
Николай Кузанский	87
Эразм Роттердамский	92
Никколо Макиавелли	100
Мартин Лютер	106
Раздел V. Философия Нового времени и Просвещения	111
Френсис Бэкон	111
Рене Декарт	117
Блез Паскаль	126
Жюльен Ламетри	132
Раздел VI. Немецкая классическая философия	140
Иммануил Кант	140
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	154
Раздел VII. Философия марксизма	164
Карл Маркс	164
Раздел VIII. Философия иррационализма	170
Фридрих Ницше	170
Раздел IX. Философия психоанализа	177
Зигмунд Фрейд	177
Эрих Фромм	184

Раздел X. Экзистенциализм	205
Жан-Поль Сартр	205
Карл Ясперс	227
Альбер Камю	235
Раздел XI. Гуманистические направления философии XX века ...	240
Альберт Швейцер	240
Пьер Тейяр де Шарден	244
Раздел XII. Русская философия	250
Петр Яковлевич Чаадаев	250
Алексей Степанович Хомяков	266
Лев Николаевич Толстой	277
Николай Александрович Бердяев	289
Евгений Николаевич Трубецкой	310
Сергей Николаевич Трубецкой	320
Иван Александрович Ильин	326
Раздел XIII. Философская антропология	340
Макс Шелер	340
Раздел XIV. Социальная философия и философия истории ...	370
Эмиль Дюркгейм	370
Хосе Ортега-и-Гассет	376
Освальд Шпенглер	401
Арнольд Тойнби	409

ВВЕДЕНИЕ

В современной системе высшего медицинского образования значительную роль играет изучение философии, способствующей разностороннему развитию личности и воспитанию профессиональных и человеческих качеств, необходимых будущему врачу. Важную роль в освоении студентами философской проблематики, помимо лекций и бесед с преподавателями, играют учебные пособия, однако все это дает представление о философии «из вторых рук». Изложение тем в учебниках является результатом интерпретации авторами историко-философского материала, содержащего в себе множество смыслов и вариантов понимания. Между тем, чтобы глубоко и разносторонне изучить философию, необходимо ощутить «подлинный вкус» философских рассуждений, самому окунуться в мир философской мысли, непосредственно познакомиться с идеями представителей тех или иных философских течений, направлений, определенных периодов в развитии данной науки.

Самый верный способ достижения этой цели – чтение первоисточников, работ классиков философской мысли, однако для студентов неспециализированного вуза из-за недостатка времени и сложности текстов такая форма решения задачи может оказаться неприемлемой. Жанр учебного пособия в виде хрестоматии в какой-то мере решает задачу непосредственного ознакомления студентов с классическими философскими текстами. Хрестоматия позволяет читателю получить эти тексты в специально отображенном, концентрированном виде.

Данная хрестоматия создана на основе программы по философии, составленной в соответствии с ФГОС ВПО, и предназначена для студентов, обучающихся по специальностям «Педиатрия» 060103, «Лечебное дело» 060101, «Медицинская биофизика» 060602, «Медико-профилактическое дело» 060105, «Стоматология» 060201 в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете. Материалы, вошедшие в данную книгу, могут быть использованы в качестве дополнительного источника для изучения предмета студентами других, прежде всего медицинских, вузов, а также всеми интересующимися философией.

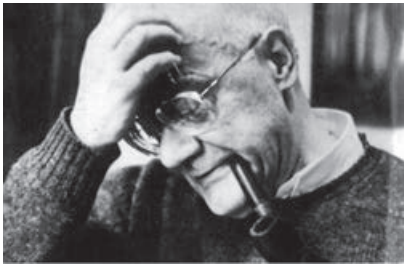
Составители хрестоматии стремились к тому, чтобы представленные статьи и фрагменты произведений отображали разнообразные подходы к фундаментальным философским проблемам, адекватно отражали взгляды соответствующих философов и при этом были

доступны для понимания широкой читательской аудитории. Подбор источников для хрестоматии обусловлен тематикой семинарских занятий по философии в СПбГПУ и связан с экзаменационной программой, включающей в себя в виде отдельных вопросов большое количество статей и отрывков из философских произведений. Составители надеются, что материалы, представленные в хрестоматии, помогут студентам в освоении предмета и будут полезны для подготовки к семинарским занятиям и экзаменам.

Раздел I

ФИЛОСОФИЯ. ЕЕ ПРЕДМЕТ И РОЛЬ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990)

Российский философ, сыгравший в 1960–1980 гг. большую роль в возрождении философской жизни и философского климата в стране.

Философствование М. К. Мамардашвили принято называть «сократическим», поскольку он, как и Сократ, практически не оставил после себя письменного

наследия. В то же время он читал лекции по философии во многих университетах СССР (Москва, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Рига, Вильнюс) и зарубежья (Франция, Германия, США). При жизни не все его работы могли быть опубликованы по идеологическим соображениям, но сохранились многочисленные магнитофонные записи лекций, которые и были опубликованы после его смерти и распада СССР.

Наиболее известные курсы: «Проблемы анализа сознания» (Москва, 1974), «Аналитика познавательных форм и онтология сознания» (Рига, 1980), «Опыт физической метафизики» (Вильнюс, 1984) потом гастивно вошли в его книги «Классический и неклассический идеалы рациональности» (Тбилиси, 1984), «Необходимость себя» (Москва, 1996). Очень популярны были лекции о Р. Декарте, И. Канте и М. Прусте, вышедшие отдельными книгами. Значительная часть наследия М. К. Мамардашвили до сих пор не опубликована.

Появление философии на фоне мифа

Я попытаюсь прочитать вам курс по истории философии так, чтобы это было одновременно и какой-то философией. При этом, не зная ни степени ваших знаний, ни того, что вам преподавали в те-

чение пяти лет до меня, я, естественно, постараюсь не забыть об этом.

Итак, приступим к историко-философскому введению. Такое введение, разумеется, нельзя сделать без какого-то понимания самой философии – зачем она, и как это, вообще, случилось, что люди философствуют. В интуитивном смысле, то есть без особых каких-то доказательств и объяснений, мы в общем-то узнаём философию тогда, когда она появилась. Даже не зная, что такое философия, узнаём, что вот это – философия. Хотя ответить на вопрос – что это такое? – не всегда можем.

Философия появилась в VI в. до н. э., когда фактически одновременно в разных местах людьми с определенными именами были выполнены какие-то акты, которые и были названы философскими. Скажем, слова и тексты Гераклита, Фалеса, Парменида или Анаксагора, Анаксимандра, Анаксимена, Платона (это я уже приближаюсь к V–VI вв. до н. э.). Но начало – в VI веке. И аналогичные акты, совершенные Буддой, мы тоже узнаём как философские, хотя это более сложно, потому что в данном случае примешивается появление религии. В Конфуции мы узнаём философа. Причем появление всех этих философских акций в разных местах не было связано. Можно лишь сказать, что все они появляются на фоне предшествующих тысячелетий мифа.

Значит, мы знаем пока две вещи. Во-первых, что это философия, хотя не знаем, что такое философия, и, во-вторых, знаем, что она появляется на фоне мифологической традиции или мифологической истории. Повторяю, в случае философии перед нами некий самостоятельный акт мышления, в котором мы не чувствуем какой-либо ритуальной или священной окраски, не можем отнести ее к мифу и ритуалу, а относим к автономной теоретической мысли, называя эту мысль философией или мудростью, с феноменом которой всегда связано имя. А когда говорим о знаниях, которые заложены в мифе, то имен не называем, полагая, что это какие-то организованные способы поведения и знания человека – не практические, а скорее духовные. Мы ведь не говорим, кто их выдумал, кто помыслил; миф – это упакованная в образы и метафорах и мифических существах многотысячелетняя коллективная и безымянная традиция.

Следовательно, уже на уровне интуиции мы имеем акт философствования как акт некой автономной, не ритуальной мысли, и одновременно знаем имя. Второй шаг – имя. Кто?! И оказывается – датируется. Философия в отличие от мифа уже датируется, она индивидуальна и датируема.

Но пока, повторяю, мы ничего не знаем о характере самой мысли. Мы знаем лишь, что слово «мудрость» в случае философствования – феномен самостоятельной мудрости, имеющей имя, которая

не вырастает из традиции, хотя сама в свою очередь тоже способна породить традицию. Однажды возникнув, философия порождает свою традицию и может даже оформляться в виде каких-то форм социального существования философа, так называемых школ. Скажем, был Сократ и его ученики, был Платон и появилась платоновская Академия, в случае Аристотеля – Лицей и т. д. Передача знания совершается при этом от учителя к учителю, от ученика к другим ученикам и т. д. Или, например, Будда. Вы знаете, что и сегодня существует буддийская община. Значит, возникают социальные формы, внутри которых в виде традиции существует уже не миф, не ритуал, а философия. То есть определенный тип размышления, определенный тип текста, передаваемого другим, комментируемого другими и составляющего их занятие и призвание.

Но пока перед нами, поскольку мы не знаем, что такое философия, просто тексты, которые что-то утверждают о мире. Фалес, например, говорил, что мир состоит из воды, для Гераклита первичным «веществом» мира является огонь и т. д. Все это некие абстрактные принципы, посредством которых люди понимают мир. Зацепимся, чтобы разобраться в том, что произошло и как появилась философская мысль, за слово «понимание».

Вот я сказал: «понимают мир», изобретая и формулируя тем самым какие-то принципы. Вода, огонь, атом, число. У пифагорейцев число – первичный принцип мира. Что это значит, что философия начинается с акта понимания мира? Означает ли это, что предшествующие образования сознания и культуры, называемые мифом, не есть способ понимания мира? Или, переворачивая вопрос, зададим его в несколько, может быть, странной форме: каким должен предстать перед нами мир, чтобы о нем надо было философствовать? Очевидно, когда мы говорим о философии или теории, или мысли, то говорим о чем-то, что является *проблемой*. Ведь это проблема: каков мир? Уточню свой вопрос: каким должен быть мир, чтобы о нем надо было философствовать? Пока, я думаю, непонятно, что я сказал. А я хочу сказать следующее – сама идея о том, что может быть проблема мира или сам мир может стать проблемой, есть исторический акт, историческое событие в том смысле слова, что это не само собой разумеется.

Что не само собой разумеется? Что мир вообще есть проблема. Поскольку, чтобы что-то стало проблемой, нечто должно быть непонятным. Так ведь? Если есть слово «проблема», значит, подразумевается, что что-то непонятно. Или можно выразиться иначе. Выступление чего-то в непонятном виде есть историческое событие, а не существование, которое разумелось бы само собой. То есть нам сейчас кажется само собой разумеющимся, что вещи представляют для нас проблему.

Но уверяю вас, что это не всегда было так. И сейчас вы поймете, что я имею в виду. Миф, ритуал и т. д. отличаются от философии и науки тем, что мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятного, нет проблем. А когда появляются проблемы и непонятное – появляются философия и наука. Значит, философия и наука, как это ни странно, есть способ внесения в мир непонятого. До философии мир понятен, потому что в мифе работают совершенно другие структуры сознания, на основе которых в мире воображаются существующими такие предметы, которые одновременно и указывают на его осмысленность. В мифе мир освоен, причем так, что фактически любое происходящее событие уже может быть вписано в тот сюжет и в те события и приключения мифических существ, о которых в нем рассказывается. Миф есть рассказ, в который умещаются человеком любые конкретные события; тогда они понятны и не представляют собой проблемы.

Но при этом мифические и религиозные фантазии, и я хочу это подчеркнуть, порождались не потому, что человек якобы стремился «заговорить» стихийные и грозные силы природы. Не из страха невежественного человека, который не знал законов физики. Наоборот, миф есть организация такого мира, в котором, что бы ни случилось, как раз все полно и имело смысл. Вы скажете – метафорический. Да, конечно, метафорический, но это – смысл. Смысл, который делает для меня предметы понятными и близкими. Он вписывает их в систему моей жизни или в систему культуры. Миф ритуально близок человеку, потому что в ритуале он общается с незнакомыми, далекими и таинственными существами как с близкими и родными, настолько близкими, что на их волю, на проявление их желаний можно действовать актами ритуала, заклинания, актами магии. Магический мир, как и мифический мир, есть мир освоенный, осмысленный, понятный. То есть события в этом мире, будь то землетрясение, гроза, войны или что угодно, осуществляются в воображении наблюдающего их человека так, что они являются носителями смысла. Если человек, например, понимает Зевса, то он понимает и молнию. Ибо Зевс – это существо, как и человек. Одно существо понимает человекоподобное существо, а именно – бога. И тогда все проявления неизвестных человеку сил в мире могут быть осмыслены путем приписывания их известному, доступному и понятному мифологическому образу. Только с одной разницей. Мифологическое существо способно на то, на что не способен человек. Следовательно, мифологические существа живут в каком-то особом пространстве. Они соединяют в себе то, что в человеке не может быть соединено. Например, жизнь и смерть. Для человека, когда есть жизнь, нет смерти, а когда наступает смерть, нет жизни. А в мифических существах это связано. Они или бессмертны, или, умирая, воскресают, перевоплощаясь в другие существа.

Или в мифе фигурируют, скажем, зооморфные и одновременно человекоподобные существа, которые созданы так, что, являясь носителями природных качеств, имея мускулы, нервы, чувствительность, в то же время обладают такими качествами, которых в природе нет, то есть сверхприродными. Но почему-то и эти существа играют важную роль в человеческой жизни, выражающуюся в том, что они могут ее организовывать. Почему-то посредством их человек придает своей жизни какой-то смысл, делает ее соизмеримой с самим собой. Ибо что такое понимание? Понимание есть в принципе нахождение меры между мной и тем, что я понимаю, – соизмеримость. Ведь если я сказал, что молния – знак божественного гнева, то я выполнил операцию соизмеримости. Молния – носитель смысла. Даже будучи божественным, смысл соразмерен моей способности понимания. В этом смысле я участник чего-то. Значит, миф – это мир соучастия, понимания вещей, предметов, сил. Почему же миф может выполнять подобную роль придания смысла человеческой жизни, когда человек овладевает какими-то своими природными силами и определенным образом канализирует их?

Вот этот пункт пока не ясен, но, зацепившись за него, попробуем все же идти дальше, чтобы понять не только то, что предшествовало философии, но и саму философию. Не думайте, что я уйду от предмета, поскольку перед этим говорил о мифе, а сейчас вдруг начинаю говорить о философии. Постепенно, как это бывает обычно во время судебной процедуры, когда адвокат задает вопросы, чтобы разобраться в сути дела, мы также по ходу дела разберемся в наших вопросах, свяжем их. Но прежде я сформулирую такой тезис: философия может быть пояснена одновременно с пояснением, что такое человек.

То есть непонятное и неясное я буду пояснять другим, столь же непонятным, поскольку мы не знаем ни того ни другого – ни что такое философия, ни что такое человек, и, более того, нельзя дать и формального определения ни того ни другого. И все же я попытаюсь постепенно одно непонятное объяснить другим непонятным. Возможно, взятые вместе, в каком-то движении мысли, они высветят что-то. И возможно, благодаря этому мы продвинемся вперед и нам откроется прогалинка, какая-то светлая поляна. Имея в виду, что появление философии и само ее содержание в качестве особого явления связано внутренне со спецификой феномена человека в природе.

Так в чем же состоит эта связь, способная прояснить нам появление философии на фоне мифа? Человек, на мой взгляд, – это существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе. Или, другими словами, человек в том человеческом, что есть в нем, не природное существо, и в этом смысле он не произошел от обезьяны. Человек вообще не

произошел ни из чего, что действует в природе в виде какого-то механизма, в том числе механизма эволюции. Хотя он четко выделен на фоне предметов, составляющих природу и космос, тем, что мы интуитивно называем в нем человеческим. Но это не может быть приписано по своему происхождению никаким механизмам ни в мире, ни в биологии, ни в самом человеке. Повторяю, человек есть существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается.

Уже с самого начала мы имеем здесь, следовательно, разрыв, пропасть между культурой и природой. И скажу мимоходом (предваряя дальнейшее, к этому я еще вернусь), что миф – это тщательно разработанная система нейтрализации оппозиции «культура – природа». Мифические существа – мифичны, то есть реально их нет. Но это существа, способные на невозможное. В них нет названной оппозиции, поскольку они и природны, и культурны одновременно, сверхъестественны. Но это мимоходом. Вернусь к уже сказанному: человек не есть нечто, порождаемое природой в том смысле, что нет такого основания в природе, которое самодействовало бы и порождало своим самодействием в человеке человеческое. Человеку не на что полагаться вне самого себя. Нет гарантий, нет фундамента в природе для человеческих состояний. В этом смысле человек есть существо, висящее в пустоте, как бы случайное, не имеющее оснований. Вдумайтесь в свой опыт или в тот опыт, который зафиксирован в книгах, в историческом предании, то есть в том, что мы вообще знаем об истории и что нам завещано и передано.

Ну, например, от чего зависит такое человеческое состояние, как память, или такое переживание, как любовь, или привязанность к другим людям – к отцу, к матери, жене, к возлюбленной? Известно, что мы состоим из праха, из материи. Что в данном случае является прахом или материей? Материя – это способность наших нервов раздражаться, оставаться в состоянии раздражения, способность удерживать какую-то интенсивность самих ощущений. Наш природный аппарат, наша психика живет по определенным природным законам, которые свидетельствуют, что у наших чувств есть порог чувствительности и сами по себе (по законам природы) они не могут сохраняться, все неминуемо рассеивается, ибо есть к тому же и законы энтропии, которые действуют и на нашу память. Все физические процессы – а психика тоже физический процесс – подвержены вырождению. Как говорят ученые, стохастические процессы массового разброса по прошествии определенного времени неминуемо вырождаются. То есть из порядка переходят в хаос. Скажем, мы почему-то возбудились, взволновались и само это волнение, может быть, прекрасно, но мы не можем в нем пребывать постоянно, так как это зависит от присущих нам природных качеств. Прodelайте такой мысленный

эксперимент. Вдумайтесь: вот если бы моя (или ваша) память о любимом брате или сестре зависела только от физической способности сохранять на определенном уровне саму эмоцию воспоминания, то ведь по законам природы она неизбежно должна распасться. Не говоря уже о том, что за определенный порог чувствительности я вообще не могу при этом выйти. И тем не менее я помню, могу сохранять привязанность. Значит, феномен памяти не держится на сохранении лишь физических ее следов. По законам энтропии они рассеиваются. Или должны быть как-то закодированы. У животного, например, закодированы в инстинкте, в природном механизме, который работает вместо индивидуальных решений. Животному в этом смысле не нужно ничего решать. Вы знаете, что половая жизнь животных сезонно отрегулирована: в марте или еще в какие-то месяцы, не знаю (я не большой специалист в этой области), они вдруг вступают в какой-то ритм жизни, который регулируется вовсе не их выбором, не их переживаниями, а скажем так – абстрактной магией чисел. Причем эти вещи отрегулированы в пользу животного. Беременное животное не вступает в половое общение с особью другого пола по генетическому механизму жизни, а не потому, что оно знает, что этого не надо делать, что это вредно. То есть вредное и полезное заложено в самом механизме инстинкта. А у человека этого нет. Следовательно, то, что он может знать в качестве мудрого и полезного, он еще должен узнать. А если должен, то естественно, что может и не узнать. Как биологическое существо, он в принципе способен отклониться от биологических законов, нарушить их, разумеется, себе во вред.

Тем самым я фактически говорю, что проблема истины (и мы это дальше увидим) выступает для нас только на фоне возможности не-истины. У животного же нет возможности не-истины, и поэтому нет проблемы истины. А у человека есть, потому что он в качестве некоего живого особого существа способен и к не-истине. Он вынужден устанавливать факты, они ему не даны. Например, все мы знаем, чем мужчина отличается от женщины, но задумывались ли вы, что это значит? Вот я сказал – знаем: здесь есть слово «знание», и оно кажется чисто формальным. Просто слово, прилепленное к какому-то факту. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что животное действительно не знает разницу между полами. Это дано в генетически заданном механизме инстинктов. А человек знает в том смысле, что он это устанавливает. Скажем, сам факт так называемых сексуальных отношений (причем очень часто даже неизвестно, что это значит, но возьмем его условно) говорит о том, что он нам не дан – он устанавливается. Повторяю, факт сексуальной амбивалентности (так называемые извращения), казалось бы, ясно говорит об этом. Но ребенок должен сам узнать о различии полов ценой сложной психической ра-

боты, работы фантазмов, работы построения; ребенок строит теории, прося для себя разницу между «пустотой» и «заполненностью» (я имею в виду различие половых органов, простите меня за прозаизм), и только потом, с помощью теорий устанавливает, что в этом действительно есть разница.

Память человеку не дана. Ее не было бы, если бы она зависела от природного материала: от нашей физической способности удержать ее во времени. Не можем – рассеиваемся. И тогда... вдруг понимаем. Что мы понимаем? Что миф, например, есть способ внесения и удержания во времени порядка того, что без мифа было бы хаосом. То есть миф есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека, а не представление о мире – правильное или неправильное. Это мы сейчас так его воспринимаем, потому что живем в рамках субъектно-объектного различения мира, в результате чего он предстает перед нами как предмет, который мы должны познать. А на самом деле незнание нами чего-то в мире есть исторический факт, а не естественный, само собой разумеющийся. Миф не представление, а восполнение и созидание человеком себя в бытии, в котором для него нет природных оснований. И поэтому на месте отсутствующих оснований и появляются определенные «машины» культуры, называемые мифом. Ритуал есть способ введения человека в состояние, которое не длится природным образом.

Сошлюсь на пример, который я уже как-то приводил, участвуя в одной из дискуссий. Это часть моей биографии, мое переживание, относящееся к детству, когда я жил в грузинской деревне, где мне приходилось часто наблюдать выполнение ритуала оплакивания умершего. Вы знаете, что дети куда большие ригористы, чем взрослые, и очень абстрактные существа. Мы сначала абстрактны, а потом конкретны, а не наоборот. И уверяю вас, что абстрактнее всего мыслят дети. Они наиболее ригористичны. Так вот, пример следующий: плакальщицы ведут определенную мелодию и самим характером этой мелодии, способом выкриков и пения приводят окружающих в почти экстатическое, истерическое состояние, то есть к какому-то пароксизму ощущений. Это профессионалы, не имеющие никакого отношения к конкретной смерти. «Раскачивая» переживание, сами они явно не переживают. Потому что если бы переживали, то не могли бы выполнить то, что нужно. А мне это казалось лицемерием, бессмысленной выдумкой. И только повзрослев, я стал понимать, что есть в этом все же какой-то смысл, потому что уже сама по себе экзальтация чувств переводит участника ситуации в лоно действия культурной памяти, культурного механизма. Ибо без этого человек не мог бы оставаться в состоянии переживания. Ну огорчился – умер кто-то, и что потом? – по природе – забыл,

конечно. Как говорил один наш толковый лингвист Кнорозов (он хороший образ сформулировал) – петух не помнит о тревоге, которая была вчера. А она ведь была – он кричал, трепыхал крыльями и всякое такое, был в экстазе и – не помнит. Так и человек, уверяю вас, тоже не помнил бы. То есть не мог бы пребывать во времени и определенном состоянии памяти (в данном случае я о памяти говорю), если бы не было другого подспорья.

Следовательно, мы понимаем теперь, для чего люди занимаются ритуалами. Ритуалы всхлестывают нашу чувствительность, переводя ее в бытие культурной памяти, и благодаря этому живут человеческие чувства или то, что мы называем в человеке человеческим. Ибо сами по себе они не существуют, не делятся, их дление обусловлено наличием мифа, ритуала и прочего. Человек есть искусственное существо, рождаемое не природой, а саморождаемое через культурно изобретенные устройства, такие как ритуалы, мифы, магия и т. д., которые не есть представления о мире. Не являются теорией мира, а есть способ конструирования человека из природного, биологического материала. Хотя одновременно человек состоит из праха, но не в том смысле, что мы умрем. Нет, прахом в данном случае я называю вот то, как устроены наши нервы, способность что-то помнить или не помнить, возбуждаться или не возбуждаться, наши силовые проявления. Человеческое же на всем этом держаться не может. Что же такое человеческое? То, что мы интуитивно узнаем в себе как человеческое. Человечно любить отца и мать. В то время как животные, кошка например, как известно, вообще никого не любит, ни к кому не привязана. Она помнит дом, и только кажется, что полна человекоподобных состояний и ощущений.

Значит, я резюмирую: есть какие-то способы внесения порядка в нечто, что само по себе, по законам природы, порядком не обладает, а было бы хаосом. И эти способы внесения порядка в мир и в биологические состояния суть одновременно способ конструирования и воспроизводства человеческого существа как такового, в его специфике. А его специфика заключается в том, чтобы это нечто работало и производило соответствующий эффект. Ведь я сказал, что у животных есть механизм, который сам по себе регулирует их половую жизнь в определенное время года и в выгодных для вида формах. Это как бы мудрость эволюции, закодированная в самодействующем механизме. А человеку в этом смысле не на что положиться, нет этого. Ничто и никто за него не обеспечит полезного эффекта.

Итак, мы сделали несколько шагов и стоим на пороге определения, которое можно дать философии, как ни странно. Я описал вам некий культурный котел, в котором человек варится, и в этом котле продуцируется нечто, природой не порождаемое. И котел этот тоже

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ФИЛОСОФИИ**

Редактор *Евграфова Ю. М.*
Компьютерная верстка *Габерган Е. С.*

Подписано в печать 09.11.2015. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.
Печ. л. 26,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство „СпецЛит“».
190103, Санкт-Петербург, 10-я Красноармейская ул., 15
Тел.: (812) 495-36-09, 495-36-12
<http://www.speclit.spb.ru>.

Первая Академическая типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 978-5-299-00718-3

9 785299 007183